

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЕСТВА И БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ БЕЛОЙ АРМИИ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ

ACTIVITIES OF STATE SECURITY BODIES IN RELATION TO COSSACKS AND FORMER WHITE ARMY OFFICERS IN THE LATE 1920S – EARLY 1930S IN THE ASTRAKHAN REGION

**A. Tyurin
S. Lebedev**

Summary: The article is devoted to the analysis of the activities of the Soviet state security agencies in relation to the Astrakhan Cossacks and former officers of the White Army in the late 1920s – early 1930s. The authors examine the forms and methods of work of the divisions of the Plenipotentiary Representative Office of the OGPU, aimed at suppressing the anti-state activities of those social and socio-professional groups that the authorities considered a potential threat to their security. The relevance of the topic is determined by the importance of studying global social and political processes at the regional level, which allows us to identify not only local specifics, but also general trends in the development of the domestic political situation in the country. The article uses materials from the Archive of the Information Center of the Russian Ministry of Internal Affairs for the Astrakhan Region (AIC UMVD AO), which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: White army, Cossacks, officers, operational activities, counter-revolutionary actions, Astrakhan province, state security agencies.

Тюрин Алексей Олегович

кандидат исторических наук, доцент, Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева
tualol1977@yahoo.com

Лебедев Сергей Владиславович

кандидат исторических наук, доцент, Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева
dnsv@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности советских органов государственной безопасности в отношении астраханского казачества и бывших офицеров Белой армии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Авторы исследуют формы и методы работы подразделений отдела Полномочного Представительства ОГПУ, направленные на пресечения антигосударственной деятельности тех социальных и социально-профессиональных групп, которые власть рассматривала в качестве потенциальной угрозы своей безопасности. Актуальность темы определяется значимостью изучения глобальных социальных и политических процессов на региональном уровне, позволяющим выявить не только местную специфику, но и общие тенденции развития внутриполитической ситуации в стране. В статье используются материалы Архива Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО), впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Белая армия, казаки, офицеры, оперативные мероприятия, контрреволюционные выступления, Астраханская губерния, органы государственной безопасности.

Результатом революции и гражданской войны в России стало создание советского государства, общественно-политическая жизнь которого была основана на классовом принципе, на разделении общества на своих и чужих. Чужие являлись отдельными социальными группами (выходцы из имущих в прошлом страт, бывшие белогвардейцы, казаки, священнослужители, чиновники различных учреждений и пр.). Они находились под постоянным контролем государства и как потенциальные внутренние враги в первую очередь подвергались репрессиям. В связи с этим наша исследовательская задача заключается в анализе деятельности органов ОГПУ в Астраханском регионе в отношении казачества и бывших офицеров.

В ходе реформы по преобразованию Всероссийской

Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР в Государственное политическое управление (ГПУ) 1 марта 1922 г. в Астрахани создали губернский отдел (губотдел) Полномочного Представительства (ПП) ГПУ НКВД, а с 1923 г. – Астраханский губернский отдел ПП Объединенное государственное политическое управление (Астраханский губотдел ОГПУ) [2. л. 135]. Одной из основных задач ОГПУ являлась предотвращение контрреволюционных выступлений, поэтому на сотрудников региональных подразделений возлагалась обязанность по проведению работы, направленной на обнаружение «социально-опасных элементов» и осуществление контроля за их жизнедеятельностью.

В сельской местности основная нагрузка по прове-

дению оперативно-розыскных мероприятий возлагалась на уездных уполномоченных губотделов ОГПУ. Они должны были «выявлять лиц, служивших в рядах белых и в отрядах зеленых, лиц, настроенных против Советской власти, все сельские группировки (объединение казачества, духовенства, кулаков), имеющих целью нанести какой-либо вред Советской власти: срыв посевных кампаний, срыв сбора урожая, поджоги полей, агитация против своевременного взноса продналога и т.д.» [1. л. 210-211]. Уездные уполномоченные осуществляли свою деятельность через секретную систему осведомителей - в волостях из числа «надежных граждан» вербовался резидент, который в свою очередь вербовал осведомителей «в каждом селе, деревне, хуторе» [15. с. 254].

Участие в гражданской войне на стороне Белого движения казачества и офицерства предопределило отношение к ним советского государства. «Казачье сословие, жившее при царизме безбедно и в гражданскую войну... доказавшее свою активную контрреволюционную роль своими выступлениями против власти Советов» [1. л. 210], в первую очередь рассматривалось ОГПУ как враждебная социальная группа. Руководство Астраханского губотдела ОГПУ ставило перед уездными уполномоченными задачу выявлять враждебные элементы среди казачества. В 1925 г. уездному уполномоченному по Енотаевскому уезду Астраханской губернии Синектуту указывалось на то, что в его отчетах «...совершенно не освещается казачество. Памятуя о привилегиях, каковыми пользовалось казачество перед остальным населением говорить о политической благонадежности и отсутствия группировок среди казачества не приходится... Поэтому «казачий вопрос» не может так скоро изжится, как думают многие..., «Казачий вопрос» нужно освятить широко» [3. л. 62].

С началом коллективизации спецслужбы усилили мониторинг социально-политических настроений населения для предотвращения антигосударственных действий. В качестве причин роста протестных выступлений крестьянства рассматривалась активизация деятельности антисоветских организаций. В связи с этим ряд структурных подразделений Астраханского окружного отдела ОГПУ (в 1928 г. из-за территориально-административных изменений в СССР, сменили название и региональные органы ОГПУ): контрразведывательный отдел (КРО), особый отдел (ОО), экономический отдел (ЭКО), информационный отдел (ИНФАГО), обязывались активизировать работу по борьбе с «белогвардейскими организациями», противодействовать антигосударственным заговорам и бандитизму [11. с. 85].

В 1929 г. в докладе КРО Астраханского окружного отдела (окротдела) ОГПУ указывалось на то, что местное казачество в большинстве не разделяло «положительного отношения к существующей системе государственного

строения, так настроена и беднота-белогвардейцы и зажиточно-кулацкая его часть». Казаки не смогли смириться с лишением их привилегий – «раньше мы были вольными казаками, всем пользовались, были богатыми, а теперь при этой власти стали нищими». У многих казаков сложилось негативное отношение к коммунистам, поэтому в станицах не происходит рост числа членов партийных и комсомольских организаций, работают в основном приезжие члены ВКП(б).

В документе говорилось, что казаки достаточно скрытные – антисоветский дух скрывают под аполитичностью или лояльностью, «советская общественность, по сравнению с крестьянскими селами, прививается с трудом, встречает противодействие, враждебное отношение и неприязнь». В качестве положительной тенденции отмечалось потеря влияния старшего поколения казаков на молодежь, особенно на тех, кто прошел службу в РККА или работал на «отхожих промыслах». В заключении делался вывод о том, что «компактной массы казачество не представляет, внутри идут политические процессы, брожения» [5. л. 175об., 176].

30 декабря 1929 г. полномочные представители и начальники региональных подразделений ОГПУ получили циркулярное письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Ягоды, в котором уточнялась деятельность КРО в ходе проведения коллективизации. Работа этого спецотдела «должна охватывать все контрреволюционные проявления кулацко-офицерско-белогвардейского типа в деревне, а также со всеми контрреволюционными организациями и группами, связанными с белогвардейскими монархическими центрами... Особое внимание КРО сосредотачивает на районах, засоренных белогвардейским элементом и казачьими районами (бывшие участники белых армии, офицерство, атаманы и пр.)» [4. л. 29].

По мере роста крестьянского протеста в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в деятельности ОГПУ обозначилась тенденция на усиление репрессий против казачества, потенциально способного организовать и возглавить вооруженное сопротивление проводимой властями политики коллективизации.

Перед региональными подразделениями ОГПУ ставилась задача «разоблачать массовые антисоветские организации». Так, выступая в июне 1930 г. на оперативном совещании в Астраханском окротделе ОГПУ, начальник КРО ПП ОГПУ Нижневолжского края (НВК) Маслов раскритиковал работу отдела, указав на то, что «в крае большие повстанческие организации в районах, которые граничат с вашим округом, классовая борьба прогрессирует, а у вас нет за этим наблюдений». Отметив, что численность «повстанческих выступлений идет вверх», он охарактеризовал ситуацию в Нижне-Волжском крае

как «чрезвычайно напряженную», при этом, по его мнению, многие сотрудники Астраханского окротдела ОГПУ не выполняли своих служебных обязанностей – «просто сидят и ничего не делают». В качестве доказательства он привел пример работы группы сотрудников госбезопасности, сформированной ПП ОГПУ по НВК, которая «вскрыла 7 организаций в количестве 240 человек», в то время как «отделы сидели и ничего об этом не знали». Маслов потребовал усилить наблюдение за казачьими районами, в которых, по его сведениям, активизировалась работа повстанческих организаций, о чем свидетельствуют «факты при арестах в селах Арчада и Фролово» [6. л. 73, 80].

2 июля 1930 г. Астраханский окротдел ОГПУ получил от ПП ОГПУ по НВК предписание: «Создать осведомления во всех казачьих станицах и установить все имеющиеся группировки и связи между ними... Сообщить надлежащим отделам ОГПУ сведения на белогвардейцев и бандитов, которые выехали из своих станиц в другие города Союза... Немедленно произвести ликвидацию активного контрреволюционного элемента, проживающего в с. Владимировка Енотаевского района, каковой снова подготавливает контрреволюционное выступление...». Перед Астраханским окротделом ставилась задача «тщательно выявить местопребывания и факты контрреволюционной деятельности всех идеологов, авторитетов, военных вождей Астраханского казачества, представив данные в Особый отдел ПП ОГПУ по Нижневолжскому краю» [7. л. 10–11].

Выполняя, поставленные задачи сотрудники госбезопасности в 1931 г. в с. Копановка Енотаевского района раскрыли антисоветскую группировку, состоящую из 6 казаков, которая «ориентировалась на создание контрреволюционной повстанческой организации». В казачьей станице Ветлянка Енотаевского района выявили группировку в составе 4 человек, которую возглавлял «бывший белый офицер». Согласно материалам дела «группировка вела контрреволюционную повстанческую пропаганду и агитацию, направленную на срыв проведения хозяйственной кампании». Тройкой ПП ОГПУ участники приговорены к различным срокам заключения. В с. Красный Яр арестовали бывшего станичного атамана Куранова. В ходе расследования «прямая повстанческая бандитская деятельность его доказана не была, но подтвердилась его антисоветская деятельность». В 1932 г. в результате агентурной разработки «Кулак» сотрудникам ОГПУ удалось разоблачить 8 жители поселка Казачий бугор (казаков), некоторые из которых служили в Белой армии. По версии следствия они организовали контрреволюционную группировку и высказывались за необходимость вооруженной борьбы с Советской властью [5. л. 7–8].

Согласно аналитической записке Астраханского

окротдела НКГБ, составленной в феврале-марте 1941 г., за период с 1922 по 1934 г. среди астраханского казачества сотрудники ОГПУ раскрыли и ликвидировали несколько контрреволюционных повстанческих казачьих организаций, готовивших вооруженные восстания против Советской власти. Из станиц в Астрахань, опасаясь репрессий, бежало большое количество «казаков-кулаков и казачьих авторитетов». На момент составления записки на оперативном учете числилось 82 человека отнесенных к категории «белогвардейского казачества» [10. л. 256].

По данным ОГПУ в 1923 г. в СССР проживало около 35–50 тыс. «бывших белых офицеров» [13. с. 82], которые по мнению органов госбезопасности «самим фактом своего существования в обществе продолжали сохранять потенциальную опасность для коммунистического режима» [12. с. 30].

Региональные структуры ОГПУ занимались выявлением и учетом бывших офицеров на местах. В 1931 г. на оперативном учете в Астрахани состояло 153 «бывших белых офицеров» [5. л. 9]. Большинство из них оказались на территории Астраханской губернии после окончания гражданской войны в результате ликвидации концлагерей в соседних регионах («из концлагерей выдворялись в Астрахань») и ввиду отсутствия в районах [Астраханского] округа промышленных предприятий, вынуждены ютиться в городе» [5. л. 172]. Ряд бывших офицеров Белой армии являлись выходцами из казаков: «уральцы, терцы, донцы», которые ранее в порядке расселения приехали в Астрахань. Все они находились в оперативной разработке сотрудников ОГПУ – «осведомлением их жизнедеятельности занималось 64 секретных информатора», завербованные из самих бывших офицеров и казаков. [5. л. 9].

Кроме получения информации через осведомителей, еще одной формой политического контроля являлась перлюстрация сотрудниками госбезопасности переписки бывших участников белого движения, с родственниками или знакомыми, проживающими за границей. Согласно данным КРО Астраханского оперсектора ОГПУ «бывших белогвардейцев Астраханского округа, находящихся за границей, насчитывалось: офицерского состава – до 50 человек, солдат и казаков – до 300 человек». Они проживали в Югославии, Болгарии, Франции, Польше, Греции, Китае и обменивались письмами с родственниками, живущими на территории Астраханского округа. При этом сотрудники КРО отмечали, что «эта связь достаточно частая, так как им ежедневно приходится пропускать 10 белогвардейских адресов» [5. л. 177–177об.].

В донесениях осведомителей отмечалось, что основным «злободневным вопросом для бывшего белого офицерства является лишение их избирательных прав», так

как следствием этого, как правило, становилось увольнение с работы и ухудшение уровня жизни. Бывший чиновник казачьего войскового управления Маслов, состоявший в переписке с находящимся в Сербии атаманом Донским, жаловался на свою жизнь лишенца: «Пока я с желтым билетом, положение мое ужасное, семья голодает, а дети без образования. В нашей Астрахани лишенцев 11 тысяч человек... Нужно здесь быть, чтобы понять их горе... Да жизнь отчаянная, ужасная для нашего брата» [5. л. 173-173об., 176].

В отчетах сотрудников госбезопасности отмечалось, что бывшие офицеры проявляли «слабый интерес к политическим вопросам», в основном были поглощены заботами о «домашности» и выражали «боязнь за свое благополучие». В переписке с родственниками, находящимися за границей, поднимались в основном темы личного характера и с осторожностью затрагивали общественные вопросы, некоторые «тактично рекомендовали воздержаться от возвращения на Родину». Только около 20% идентифицировались сотрудниками госбезопасности как «действительно антисоветский элемент, способный в удобный момент на активное контрреволюционное выступление». При этом отмечалось, что «открытой антисоветской агитации за белыми не отмечено, а свою неприязнь к Советской власти они высказывают в тесном кругу» [5. л. 172-172об., 173, 176-177об.].

Согласно оперативной информации Аракелов (бывший прапорщик, служивший в армии Деникина) говорил: «Большевики ограбили весь народ, бил я их в 1919 г., также буду бить и в будущем». Басов (бывший штабс-капитан, служивший в армии Колчака) негативно отзывался о ситуации со снабжением продовольствия: «При существующих порядках приходится голодать, ибо в кооперативах ничего нет». Захаров (бывший адъютант «в Белой армии») выражал не доверие официальной информации в прессе: «Не нужно верить газетам, которые пишут, что во всех отраслях промышленности все идет хорошо. Арестованные органами ОГПУ люди посылаются на лесозаготовки, а там их заставляют принудительно работать, и они мрут, как мухи, а говорят, что все работают добровольно и чуть ли не ударники». Иванов (бывший военный чиновник, служивший в армии Колчака) критиковал политику коллективизации: «Благодаря коллективизации нам никогда не выбраться из продовольственных затруднений..., ибо крестьянин знает, что у него все отберут и работать не хочет» [5. л. 13].

При получении информации об антисоветских высказываниях и фиксации подозрительных действий органы госбезопасности усиливали наблюдение за действиями подозреваемых. Так, сотрудники КРО Астраханского оперативного сектора (оперсектора) ОГПУ в 1931 г. зафиксировали «сближение и связь полковников из казаков Сухоняева, Полежакина, Есаулова, Николаева и

поручика Рачевского, которые посещали квартиру Сухоняева. Согласно оперативной информации, «их сближала неприязнь к мероприятиям Советской власти и общность идеологических установок». Проживающий в Польше брат Сухоняева состоял с ним в переписке и оказывал ему материальную помощь. Согласно оперативной информации Сухоняев сомневался в успехе проводимой политики: «Все ведет к обеднению и финансовому краху, коммунизм не больше, как утопия, и из-за будущих каких-то призрачных благ жизнь большинства отравляется лишениями и притеснениями». Полежакин соглашался с ним: «В общем я не верю ни в социализм, ни в коммунизм». Данную группу взяли в оперативную разработку [5. л. 173].

Сотрудники госбезопасности не только выполняли мониторинг, но и выявляли и уничтожали антисоветские группы, возглавляемые бывшими офицерами. В результате проведенной в 1931 г. спецоперации «была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная группировка из бывших белых и бывших офицеров в количестве 11 человек». В общей сложности арестовали около 60 человек, но «за недоказанностью материалов» большую часть арестованных освободили, 23 человека были осуждены. [5. л. 12].

В 1932 г. Астраханским оперсектором ОГПУ в Володарском районе была разоблачена группа из 3 человек, возглавляемая бывшим командиром сотни «белоказак» Яцковым. Они проводили «агитацию повстанческого характера»: подстрекали колхозников не выходить на лов рыбы, распространяли антисоветские слухи. Так, Яцков рассказывал об якобы находящихся в Гурьевской области «белых войсках», насчитывающих около 30 тысяч человек, и о перешедшем на их сторону полке Красной армии [8. л. 58].

В Наримановском районе сотрудники Астраханского оперсектора ОГПУ раскрыли группу из 6 человек, которой руководил Маклецов – бывший «казак-белогвардеец». Им вменялось в вину распространение среди жителей с. Казачий бугор провокационных слухов о приближающейся войне и восстаниях против Советской власти, идущих в других регионах. Члены группы планировали вовлечь в свою организацию как можно больше единомышленников и сформировать боевую группу, которую должен был возглавить бывший «белый прапорщик» Второв [8. л. 59].

В с. Казачий бугор сотрудники госбезопасности раскрыли «казачью-белогвардейско-повстанческую» организацию. По делу этой организации арестовали 27 человек, среди них 2 «бывших белых офицера», 2 бывших казачьих атаманов и 5 «активных белогвардейцев» [8. л. 28].

Во втором полугодии 1932 г. на учете в КРО Астраханского оперсектора ОГПУ состояло 133 человека «бывших белых офицеров». При этом по сравнению с первым полугодием 1932 г. их количество увеличилось на 23 человека, за счет прибывших из других регионов страны [5. л. 11].

В первой половине 1930-х гг. сотрудники ОГПУ провели успешную операцию под кодовым названием «Украинец», по которой проходили антисоветски настроенные бывшие офицеры Белой армии Вернигора и Зинченко. Как следует из материалов дела весной 1932 г. они планировали ехать в Туркестан, так как «жить в Астрахани – по словам Зинченко, – нет никакой возможности, бывшие белые офицеры говорить о политике боятся, так как ГПУ насадило своих агентов даже в их семейную жизнь». Вернигора и Зинченко надеясь встретить там единомышленников – людей с «характером и сильной волей» [5. л. 12].

Дальнейшее проведение оперативно-розыскных мероприятий позволило раскрыть и ликвидировать «белогвардейско-повстанческую контрреволюционную организацию», формирование которой началось еще в начале 1920-х гг. В конце 1922 г. в Астрахань прибыл бывший член Донского казачьего войскового круга Пунцуков – эmissар от находившегося в эмиграции члена Общеказачьего земледельческого союза генерала Коваленко, уроженца станицы Грачевской Астраханской губернии. Как полагало следствие целью его приезда являлось проведение «контрреволюционной работы» в соответствии с инструкциями, полученными от Коваленко. Задачей Пунцукова являлось установление контактов и привлечение для активной «контрреволюционной работы» в Астрахани бывшего полковника Белой армии, казака Павла Петровича Свешникова. Впоследствии, 25 мая 1933 г., Свешникова обвинили Тройкой ОГПУ НКВ в принадлежности к контрреволюционной организации и приговорили к 10 годам лишения свободы. Из заключения он не вернулся. В 1956 г. его реабилитировали [14].

Пунцуков привлек в организацию бывших казаков Николаева и Стороженко, поставив им задачу максимального вовлечения в ряды представителей Астраханского казачества. Предполагалось формировать ячейки численностью от трех до восьми человек, проводить сбор сведений об экономическом положении, о настроениях населения и об боеспособности частей Красной армии. [9. л. 10].

Члены организации встречались на квартирах Свешникова и Писарева (бывший офицер Белой армии, прибывший в Астрахань в 1921 г. из «Тульского концлагеря»). Согласно оперативным материалам, для снабжения оружием Свешников намеревался подобрать людей, которых устроили бы охранниками на предприятия

«Областьрыбы». Финансирование деятельности предполагалось осуществлять из-за границы. Согласно материалам дела организация вербовала своих членов преимущественно из среды бывших офицеров Белой армии. После того как в 1923 г. Пунцуков и Писарев покинули Астрахань организация фактически бездействовала. Согласно предположениям следователей, расцвет НЭПа породил надежду среди ее членов на «капитуляции Советской власти перед капиталистическими элементами». В 1929 г. из Астрахани уехали Николаев и Стороженко, и во главе организации остался один Свешников. К моменту ликвидации организация состояла из 74 человек: 39 бывших офицеров Белой армии, 9 бывших офицеров «старой армии», 6 бывших «активных белогвардейцев», 5 бывших торговцев, 9 служащих, 4 кустарей, 1 кулака и 1 священника. 25 мая 1933 г. дело рассмотрело Тройка ПП ОГПУ. 56 человек осудили на срок лишения свободы от 3 до 10 лет с отбыванием наказания в концлагере, четверых с отбыванием наказания в трудовом поселке ОГПУ (срок не уточняется – *прим. авт.*), и условное наказание получили 7 человек [9. л. 11–12].

Ускоренная индустриализация сопровождалась невыполнением плановых показателей, техногенными авариями на предприятиях. Экономические просчеты часто объяснялись «вредительством», организованным противниками советского государства. Полученные, часто оперативным путем, сотрудниками Астраханского оперсектора ОГПУ сведения о наличии в трудовых коллективах учреждений, предприятий, колхозов и совхозов «социально чуждых элементов» являлись весомым доказательством деятельности антисоветских организаций. Так, на предприятии Сетеснаста раскрыли «контрреволюционную группировку» в составе 11 человек, занимавшуюся хищениями и спекуляцией рыболовными сетями. Среди ее участников был обнаружен бывший белый офицер Терпугов. Первоначально оперативная разработка велась сотрудниками ОО Астраханского оперсектора ОГПУ, но так как были выявлены экономические преступления, то материалы расследования передали в ЭКО. Терпугова и еще 6 человек расстреляли, остальные получили различные сроки заключения. В организации Промстроя ликвидировали вредительскую группировку, насчитывающую 20 человек. В ее составе разоблачили бывшего офицера Космачева, которого осудили на 10 лет лишения свободы. По делу о хищениях в структуре Сельгорта арестовали 14 человек, среди которых выявили бывшего белого офицера Котлярова, впоследствии расстрелянного. [5. л. 12].

В январе 1933 г. сотрудники Астраханского оперсектора ОГПУ осуществили агентурную разработку «Лесники», по которой проходило 12 человек – специалистов и лесников лесного хозяйства Енотаевского и Харабалинского районов. В результате операции среди работников лесного хозяйства были выявлены «вредители»: управ-

ляющий лесами местного значения Войтов (бывший офицер), десятник Бирюков (бывший подхорунжий), а также бывшие военнослужащие Белой армии десятник Бондарев, лесник Лебедев, лесник Кривошапов». [9. л. 4–5].

Кризисную ситуацию в сельском хозяйстве, сложившуюся в начале 1930-х гг., власти связывали с «засоренностью» колхозов «классово-чуждым элементом». В 1932 г. органами госбезопасности проводилась «чистка» колхозов, в результате которой из колхозов исключили 897 «социально-чуждых и враждебных лиц», из них 787 человек по предварительной разработке Астраханского оперсектора ОГПУ. Из общего количества исключенных «бывшие белые» составили 114 человек [9. л. 20–21].

Конец 1920-х– начало 1930-х гг. стали одним из самых сложных периодов в жизни советского общества. Ускоренная индустриализация и коллективизация изменили традиционный образ жизни и ценностные ориентиры миллионов людей, привели к росту социального напряжения. В сложившейся ситуации возросла роль органов ОГПУ, осуществлявших политический контроль

и проводивших репрессии в отношении «классово чуждых элементов».

В Астраханском регионе сотрудники ОГПУ проводили мониторинг уровня адаптированности к существовавшему политическому режиму казаков и бывших офицеров, участвовавших в Белом движении, через внедренных в их среду агентов и осведомителей, осуществляли перлюстрация их частной переписки с родственниками и знакомыми находящимися в эмиграции, с целью выявления политически неблагонадежных лиц.

Раскрытие и ликвидация антисоветских организаций с участием казаков и бывших офицеров подкрепляла официальный тезис об «оживлении контрреволюционных элементов», оказывающих сопротивление проводимым преобразованиям, что позволяло пропаганде объяснить производственные срывы и ухудшение уровня жизни их происками. В то же время органы ОГПУ являясь важным элементом политической системы, выполняли задачи по обеспечению безопасности советского государства, предотвращению преступлений, направленных против существующего политического строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архива Информационного центра Управления МВД России по Астраханской области (АИЦ УМВД АО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 14.
2. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1.
3. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 23.
4. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 58.
5. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 86.
6. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 95.
7. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 102.
8. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 149.
9. АИЦ УМВД АО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 177.
10. АИЦ УМВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 121.
11. Боева Л.А. «Особая каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы. М.: АИРО-XXI, 2009. – 208 с.
12. Василевский В.П. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 27–30.
13. Ганин А.В. Розыск органами ОГПУ бывших офицеров в 1922–1925 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 31 марта 2020 г.). М., 2020. С. 82–88.
14. Пугачев Б.Г. Забытый герой. Вестник Астраханского казачьего войска. [Электронный ресурс] URL: https://vestnikakv.ru/article.php?mode=view&own_menu_id=212336 (дата обращения 24.05.2025).
15. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Тюрин А.О. Борьба с бандитизмом в Астраханской губернии в 1920-е гг. // Астраханские Петровские чтения: материалы IV Международной научной конференции (г. Астрахань, 19 декабря 2019 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020. С. 254–257.

© ().

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»